

Глава XXXXVII

ВСЕМ ВОЗДАСТСЯ

Шон с силой ударил плечом дверь. Та с грохотом распахнулась. Самурай пробежал сквозь дом, по дороге схватив стул. Оконная рама разлетелась в дребезги. Он выскочил на улицу, огляделся по сторонам – ни кого – кинулся прочь. За углом наткнулся на человека. Разбираться не стал. Теперь все враги. Отскочил в сторону, выгнулся кошкой, с потягом рубанул вдоль плеча. Человек вздернул руки и осел, а Шон кинулся наутек. Бежал, высматривая хоть какую ту лазейку, чтобы не нарваться на бойцов. Ему нужно было вернуться к девчонке.

Он подбежал к магазину, где она укрывалась.

– Катя! Катя! – забежал внутрь. – Катя! Ты тут? Это я, Шон!

Дернул дверь на себя. Навстречу тотчас выскочил трезубец, чудом не пропоров Самураю брюхо. Шон схватился за древко, дернул к себе изо всех сил. Нападавший от неожиданности упал на колени, выпустив оружие из рук. Шон коленом нокаутировал неприятеля и добил лежащего трезубцем. Грянул выстрел. Над головой Самурая в двери образовалась дыра. В ответ грянул второй. Кто-то повалился на пол, с лязганьем и дребезжанием разбрасывая утварь, еще оставшуюся в магазине. Самурай спрятался за витрину, вытащил катану и затих.

– Шон, это ты? – тихий испуганный голос прорезал мертвую тишину.

– Кать, все хорошо?

– Да, все нормально. Я, кажется, его убила.

– Сколько их тут?

– Было двое.

Шон облегченно выдохнул, убрал меч, пошатываясь, вышел из укрытия. Девчонка брела ему навстречу, сжимая в руках обрез.

– Остатки банды Борова, – проходя мимо трупа, подметил Шон.

– Ты ранен?!

– Есть немного.

– Пойдем, я посмотрю, – она помогла ему пройти в комнату с хорошим освещением и усадила на ящик из-под бутылок. – Господи, да ты кровью истекаешь!

Шон сидел, сгорбившись. Кровь текла по плащу, толчками выходя из распоротого плеча. В голове звенело от кровопотери. Единственное о чем сейчас думалось, как бы не свалиться в обморок. Катя помогла снять плащ.

– Во внутреннем кармане бинт, йод и игла с ниткой, – заплетающимся языком пробормотал он

Дальше все в тумане. Два дня они отсиделись в разваленном здании. Все это время Шон боролся с подступающими приступами горячки. Катя поила его растопленным снегом, ухаживала, как могла, обрабатывала рану. На третий день Самурай более или менее пришел в себя, смог сам подняться. Девчонка помогла надеть плащ.

– Как ты?

– Нормально. Бывало и хуже.

– Кто тебя так? Каннибалы?

Шон ничего не ответил. Вышли на свежий прохладный воздух и только тут Самурай произнес:

– Уходи. Мне больше не нужно держать слово. Ты свободна.

– Вот спасибо! Только я тебя не брошу, ты еще слаб.

– Слушай, девочка, вали, пока я не передумал! Убирайся! Все, ты свободна!

– Да что на тебя нашло?! Куда я, по-твоему, должна пойти?!

– Уходи к людям Князя. Твой спаситель у них.

– Марс? Откуда ты знаешь, что он... Ты что, его видел?

Шон скривил лицо, повел больным плечом.

– Я не знаю, что я видел, но я знаю точно, что он у них. А мне нужно попасть к своим. Я должен узнать, как погиб генерал и что сейчас происходит в моем легионе.

– Ну, если твой проклятый генерал умер, зачем тебе что-то узнавать? Они нас чуть не убили в городе. Откуда такая уверенность, что не убьют в твоём лагере?

– Там остались Сергей и Влад. Я должен узнать у них, почему все пошло наперекосяк.

– Зачем тебе это? Пойдем со мной. Я прошу, пойдем. Если Марс у Князя, он не даст тебя в обиду.

– Ты слишком добрая. И слишком юная. Тебе не понять. Пошли, я покажу тебе дорогу, – Самурай неловкой походкой двинулся вперед.

– Ты бессердечный и неблагодарный засранец! Вот кто ты! Эгоист чертов! Нужно было тебя оставить тут помирать! Я бы и без тебя нашла Марса! – голос сорвался и Катя заплакала.

Марс расположился в развалинах дома, где ранее было логово Борова. Людям Павел сообщил о храброй смерти их командира и что он на правах сотника берет командование в свои руки до тех пор, пока они не вернутся в город. Там уже Князь решит, как поступать дальше. Зачистив от каннибалов район, бойцы стягивались к назначенному месту. Пленных не брали, кроме самого Борова и с десятков приближенных. Выставив охрану и отправив

раненых в город, оставшиеся собрались возле дома, где находился Марс. Туда же притащили и пленных. Боров стоял в окружении неприятеля, а Марс пристально смотрел на него.

– Чего смотришь?! Думаешь, буду умолять о пощаде?!

– Казнить тварей! Казнить! – толпа скандировала, чувствуя свое превосходство.

Из толпы вылетел камень и угодил одному из пленников в голову. Марс молчал, ему не приходилось судить людей. Раньше он был сам по себе, теперь он ощущал небывалую силу, которая стремилась куда-то выше, куда раньше его мысли не заходили. Круг стал смыкаться. Озлобленный народ живой волной накатывал на каннибалов.

– Чего ты стоишь? Их сейчас растерзают без тебя, – включился голос в голове Марса. – Ты сейчас бог. Только ты можешь решать и управлять. Вкуси это. И ты поймешь, что такое власть. Суди их. Суди по всей строгости сам и ни в коем случае не давай делать это другим. Псы должны подчиняться, а не решать.

Марс, храня молчание, поднял руку. Павел гаркнул на толпу так, что бойцы отступили назад.

– Ты привел свою стаю сюда для наживы. Что ж, теперь вы нажива! Ты присоединился к Новому Риму. Что ж, их время тоже настанет! – Марс развел руки в стороны и воскликнул. – Я спаситель этого мира! Я мессия! И я буду судить вас по делам вашим и за грехи ваши! Так узрите гнев мой!

Кто-то из толпы припал на одно колено. За ним вся масса склонилась к земле. Неопишуемое чувство прокатилось по его телу. Озноб радости, эйфории вознес его над всеми. Марс медленно перевел взор на Павла. Тот, немного замешкавшись, также приклонился перед ним. Часть каннибалов пала оземь в надежде на милость победителя. На глаза попала пластиковая ванночка. Ее принесли и поставили у ног Марса.

– Жирного оставить напоследок! – скомандовал Марс и, вытащив нож, передал его Павлу. – Пусти им кровь. Пускай получают награду, за которой пришли.

Павел резал пленных одного за другим. Каннибалов подводили к Марсу, заломив руки за спиной. Павел поднимал им головы и перерезал глотки. Кровь сливалась в ванночку, в которой раньше купали детей. Трупы складывали у ног мессии. Некоторые молили о пощаде, плакали, дергались и извивались. Другие крепились, сами подходили к палачу, плевали в сторону Марса и становились на колени. Предпоследним подтащили Дохлого. Он упирался ногами, брыкался, когда поставили на колени, обмочился. Раздался короткий прерывистый визг, и нож Павла успокоил молящего о пощаде. Боров бился в истерике. Его держало четверо парней. Он орал что было мочи, видя, как режут его людей.

– Будь ты проклят! Ты не мессия! Ты убийца такой же, как я! Только я не прикидываюсь святошей! Я хищник! А ты хищник еще страшнее меня! Вы вознесите дьявола на престол, думая, что он бог!

Жирное тело подтащили к Марсу, наклонили над ванночкой, из которой шел пар от теплой человеческой крови. Павел поднес нож к горлу, но Марс остановил его. Зашел с боку к толстяку, склонился к уху.

– Я убил твоего брата Змея, разможил ему череп его же кувалдой. Я убью и тебя. Убью вас всех. Потому что я устал убегать.

Боров не успел ничего ответить, как Марс схватил его за лысую голову и сунул в корыто. Толстяк трепыхался, пока не захлебнулся в крови своих же людей. Когда тело перестало подавать признаки жизни, Марс поднялся и воскликнул:

– Всем воздастся! Ибо пришел я! Спаситель человечества!